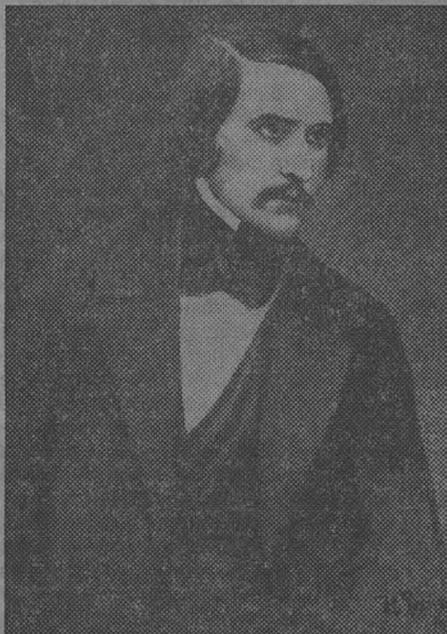

БОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТУРГИЯ

145 лет назад в этот день не стало Гоголя

Это случилось около восьми утра в Талызинском особняке. (Дом этот на Суворовском бульваре в Москве сохранился до сегодняшнего дня.) И здесь же десятью днями раньше писатель сжег в камине второй том «Мертвых душ».

О причинах смерти Гоголя спорят до сих пор. Одни считают, что это был тиф, которого врачи удивительным образом не распознали, хотя в городе свирепствовала эпидемия. Другие полагают, что Николай Васильевич, все последние дни упорно отказывавшийся от пищи, попросту умер от голода. Третьи поддерживают полуфантастическую гипотезу, согласно которой Гоголь не умер, а впал в летаргический сон и был погребен заживо.

Не утихают споры и относительно того, насколько удались автору погибшие в огне главы «Мертвых душ». Вопреки распространенному мнению это было отнюдь не последнее творение русского классика. Последнее как раз уцелело. Писатель усердно работал над ним в течение многих лет и незадолго до кончины переписал набело.

Другое дело, что у нас его долгие десятилетия замалчивали. В пространной статье о Гоголе в последнем 30-томном издании Большой Советской Энциклопедии о нем нет ни слова. А между

тем это один из самых вдохновенных и самых сокровенных гоголевских текстов. Я имею в виду «Размышления о Божественной Литургии».

Литургия — главнейшее христианское богослужение. На Руси его называли еще обедней, но Гоголь предпочел канонический термин, строгий и торжественный. Это Гоголь-то, который как никто чувствовал вкус простого народного словца!

Изобличитель пороков, насмешник и сатирик — именно к такому Гоголю привыкли мы со школьных лет. А есть ведь еще и другой Гоголь — великий трагический писатель. Он не сочинял трагедий, нет, просто запечатлевал на бумаге то, что свершилось

в его душе.

Нередко он делал это в письмах к близким людям — из них-то и сложились впоследствии «Выбранные места из переписки с друзьями». Это книга, редкостная по честности, отваге и духовному напряжению, уникальная не только в русской, но и в мировой литературе. Гоголь отказывается в ней не столько от прежних своих творений (не его ли примером последует позже Лев Толстой?), сколько от язвительного, жестко-негативного взгляда на жизнь.

А между тем в вещах, от которых Гоголь отказался, были не только изобличения и насмешки, но и удивительные пророчества, в том числе и относительно собственной судьбы. Так, в «Портрете» предсказано как сожжение «Мертвых душ», так и самосожжение — в религиозном пламени — их автора. «Он тогда весь обратился в религиозный пламень».

Слова о религиозном пламени — из первой редакции повести, где автор грешного, как он сам считает, творения предстает перед читателями в виде человека,

«на бледном изнуренном лице которого не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земном». Гоголь будто проник мысленным взором в Талызинский особняк 1852 года — своего последнего года на земле — и разглядел в неверном свете каминного огня самого себя, уже причастившегося вечности.

«Все тело его до чрезвычайности похудело, — описывает один из современников. — Глаза сделались тусклы и впали, лицо совершенно осунулось, щеки ввалились». Сходство с гоголевским текстом едва ли не текстуальное, но то — первая редакция «Портрета». А вторая? Во второй перед нами — «прекрасный, почти божественный старец».

Стало быть, имело место не самосожжение, а преображение, явившееся результатом долгого и беспощадного нравственного труда. «Вопросы нравственные взяли перевес и над политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами», — пишет Гоголь в «Авторской исповеди».

У нас, в нашей с вами сегодняшней жизни, пока что — не взяли, и не отсюда ли все наши беды? Ну, и, конечно, время накладывает свой отпечаток.

«Все более или менее согласились называть нынешнее время переходным. Все, более чем когда-либо прежде, ныне чувствуют, что мир в дороге, а не у пристани, не на ночлеге, не на временной станции или отдыхе». Это опять-таки «Авторская исповедь», которая, помимо всего прочего, еще и таит в себе секрет того самого волшебного преображения. Преображения как отдельно человека, так и общества в целом.

Гоголь этот секрет сформулировал просто: искать-де надо «не вне, а внутри себя».

Мы же по-прежнему ищем «вне». Ах, как много нынче последователей у Гоголя-изобличителя, причем последователей вульгарных и корыстных (не говоря уже о бездарности!), и как мало у Гоголя, который, страстно желая преобразить мир, пришел в конце концов к смиренному выводу, что начинать преобразование надо с себя.

Его литургия и впрямь божественна.

Руслан КИРЕЕВ.